

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

О КАМПАНИИ 1863 ГОДА ПРОТИВЪ ПОЛЬСКИХЪ МАТЪЖНИКОВЪ.

VI (*).

Рядъ поражений, испытанныхъ инсургентами въ концѣ апрѣля мѣсяца не только не ослабилъ вооруженнаго движенія въ царствѣ, а, напротивъ, вызвалъ со стороны революціоннаго комитета новые декреты, убѣждавшіе всѣхъ не покидать начатаго дѣла и продолжать борьбу съ удвоенною энергіею. Для того же, чтобы постановленія комитета не оставались мертвою буквою, „народовый жондъ“ прибѣгнулъ къ учрежденію особаго корпуса „мстителей“, члены котораго въ Варшавѣ назывались по просту „кинжалистами“ или „штилетниками“, а въ провинціяхъ „жандармами — вѣшателами“. Въ чемъ заключалась дѣятельность новой „жандармеріи“—это, мы полагаемъ, такъ хорошо извѣстно каждому, слѣдившему за событіями описываемой нами эпохи, что, не останавливаясь на объясненіяхъ, перейдемъ прямо къ нашему разсказу.

Въ самыхъ первыхъ числахъ мая, въ Кельцахъ получено было извѣстіе, что въ Опочинскомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, между г. Конске, Рудою-Маленецкою, Влащовой и Водзиславомъ появилась конная банда, предводитель которой называется Бонча.

Имя это мы услышали тогда впервые, но вскорѣ оно приобрѣло такую извѣстность, какую не пользовалось имя Чаховскаго и даже Лангевича.

Причиною такой популярности, конечно, служили тѣ же самыя обстоятельства, которыя вызвали Бончу на арену его кровавой дѣятельности. Но прежде считаемъ великимъ знакомитъ читателей съ личностію этого человѣка.

Настоящая фамилія Бончи была Блоцинскій. Онъ воспитывался въ одномъ изъ нашихъ кадетскихъ корпусовъ и, имѣя чинъ поручика артилеріи, бѣжалъ въ Галицію, гдѣ черезъ посредство (какъ говорили) своей сестры, находившейся въ замужествѣ за австрійскимъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ Коловратомъ, успѣлъ приобрести связи между вліятельными галицій-

(*) „Военный Сборникъ“ 1867 года, №№ 8—11 и 1868 года, № 3.

скими фамиліями. Рассказываютъ, будто самое названіе Бончи Блещинскій принялъ потому, что былъ когда-то влюбленъ въ дочь извѣстнаго польскаго магната Бончи-Бруевича.

Шайка его сформировалась гдѣ-то на югѣ, въ предѣлахъ краковскаго воеводства и, какъ мы узнали впоследствии, состояла изъ двухъ-сотъ всадниковъ, дѣлившихся на четыре эскадрона, по 50 человекъ въ каждомъ. Три эскадрона было уланскихъ и одинъ драгунскій. Драгуны отличались тѣмъ, что имѣли красныя конфедератки, однобортные мундиры изъ сѣраго сукна съ узенькими погончиками и были вооружены винтовками. Уланы, напротивъ, носили конфедератки бѣлыя, обложенныя черною мерлушкой и украшенныя ковардою съ изображеніемъ польскаго орла. Мундиры у нихъ замѣнялись широкими малиновыми блузами, съ черными, ременными поясами, на которыя висѣли сабля и пистолеты; кромѣ того уланы имѣли пики. Костюмъ ихъ дополнялся войлочными бурками, какъ защитою отъ непогоды. Замѣчательно, что кромѣ пикъ—произведенія туземныхъ кузницъ,—всадники имѣли собственное, хорошаго достоинства оружіе, сидѣли на бойко-пріѣзжаныхъ лошадяхъ и были смѣлыми и ловкими наѣздниками. Это объясняется тѣмъ, что банда комплектовалась только людьми, которые могли удовлетворить строгимъ требованіямъ разборчиваго предводителя; но за то люди принадлежали ко всевозможнымъ націямъ, и Бонча требовалъ отъ нихъ только единства политическихъ убѣжденій.

Рассказываютъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Является въ банду одинъ венгерець.

— Что васъ привело къ намъ? спрашиваетъ его Бонча.

— „Не болѣе, какъ случай“, откровенно объясняетъ новоприбывшій. — „Я поссорился съ братомъ моей невѣсты и когда старанія родныхъ примирить насъ остались тщетными, то, вмѣсто дуэли было предложено одному изъ насъ, по жеребью, отправиться на три мѣсяца въ Польшу. Мы согласились, жребій палъ на меня и я прошу теперь позволенія слѣдовать за вашимъ знаменемъ“.

Бонча тотчасъ же назначилъ венгерца офицеромъ. Но вслѣдъ затѣмъ является молодой человекъ извѣстной галиційской фамиліи, пожертвовавшій значительную часть своего состоянія дѣлу „великаго будованія Польши“ (*). Онъ титулуется себя

(*). Извѣстное выраженіе революціонеровъ, означающее возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года.

графомъ и объявляетъ, что, сформировавъ въ Галиціи на собственный счетъ отрядъ изъ 60 или 80 всадниковъ, приведетъ его къ Бончѣ.

— Вы принадлежите къ партіи Мѣрославскаго? сказалъ ему Бонча.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не нужно ни васъ, ни вашихъ людей...

Напрасно молодой человекъ старался доказать, что для дѣла нѣтъ партій, что есть только одна партія и девизъ ея — освобожденіе Польши. Бонча былъ неумолимъ, и раздосадованный графъ возвратился въ Австрію.

Несмотря на разнородный составъ, представлявшій мало ручательствъ за внутренній порядокъ, банда была дисциплинирована хорошо. Самъ Бонча обладалъ, безспорно, нѣкоторыми способностями для партизанской войны, и эти качества старался привить къ своимъ повстанцамъ, которыхъ держалъ въ большой субординаціи. Правда, Бонча нигдѣ не задвигъ еще своихъ военныхъ талантовъ, но онъ объ этомъ мало заботился; да и задача его была другая.

Назначенный декретомъ народоваго жонда, отъ 7-го мая, начальникомъ штаба при Чаховскомъ, по званію сандомірскаго воеводы, Бонча явился въ Опочинскій уѣздъ творить судъ и расправу надъ всѣмъ, что не хотѣло подчиниться безусловно велѣніямъ жонда. Онъ приводилъ въ исполненіе кровавые приговоры революціоннаго правительства съ такою поспѣшностью, такъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы шайки, разсѣваемые русскими, не расходились по домамъ, а собирались въ срокъ на назначенные пункты, что съ этой стороны оказалъ, конечно, большія услуги инсурекціи.

„Сегодня мы расправляемся здѣсь, а гдѣ будемъ завтра, — знаетъ одинъ только Бонча“, говорили повстанцы. Дѣйствительно, быстрота, съ которою переносился онъ съ одного мѣста на другое, была такова, что даже крестьяне принимали его за предводителя различныхъ партій. Лучше всего дѣятельность Бончи охарактеризовывается слѣдующими словами одного инсургента. „Мы, какъ ночныя птицы, отдыхаемъ днемъ, а ночь проводимъ въ разъѣздахъ, чтобы держать судъ надъ тѣми, кто, пользуясь обстоятельствами, поступаетъ въ наемщики къ русскому правительству, дозволяетъ себѣ, отъ имени жонда, вы-

могать деньги, или вообще какимъ бы то ни было образомъ обманывать народъ^а. Участь такихъ несчастныхъ зависѣла часто отъ одного взгляда Бонча. А что такое былъ Бонча — это хорошо знали тѣ, кому онъ напоминалъ о повиновеніи жондѣ, когда его ослушивались.

Вотъ два-три случая. Проходя Клименцыце (деревня на шоссе изъ Ендражіева къ Водзиславу), Бонча узналъ, что тамошній крестьянинъ бранилъ повстанцевъ за зло, которое они причиняютъ краю: онъ приказалъ повѣсить крестьянина на мосту за ноги, головою внизъ. Приближаясь къ Липтѣ, Бонча выслалъ впередъ нѣсколько человекъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Посланные созвали народъ, объявили зачѣмъ идетъ Бонча и оторопѣвшіе крестьяне поспѣшили къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью. Не слѣзая съ коня, Бонча обратился къ толпѣ съ короткою рѣчью и предложилъ немедленно выдать тѣхъ извѣнниковъ, которые проводили Ченгери къ лагерю Завадскаго.

— Они уже повѣшены самимъ воеводою, замѣтили трепещущіе крестьяне.

Бонча разгнѣвался. „Сжечь и истребить до основанія дома этихъ шпеговъ!“ крикнулъ онъ своимъ приближеннымъ — и приказаніе тотчасъ же было исполнено. При заревѣ пожара, охватившаго селеніе, Бонча читалъ свои прокламаціи и раздавалъ ихъ народу, тѣснившемуся у его стремени.

Нѣсколько случаевъ подобной расправы довели крестьянъ уже не до того пассивнаго состоянія, до котораго старался ихъ довести Лангевичъ, а сдѣлали именно то, чего хотѣло революціонное правительство: крестьяне отшатнулись отъ русскихъ и перестали сообщать намъ даже самыя невинныя свѣдѣнія. Когда же Бончѣ случалось вѣзжать въ селеніе, его встрѣчали съ хоруговьями, и народъ, становясь на колѣни, кричалъ: „Niech zijie nasz laskawy Król Boncza!“

Дерзость мятежниковъ усиливалась съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, дошла до того, что они появлялись чѣтъ не у самыхъ воротъ Конске. Были положительные слухи, что Бонча далъ слово сжечь провинтскіе магазины — чего не исполнилъ Чаховскій — взять съ жителей контрибуцію и произнести смертній приговоръ надъ семнадцатью евреями, списокъ которымъ доставленъ былъ къ нему изъ Варшавы. Военскій начальникъ города Конске, штабсъ-капитанъ Кукушкинъ, донесъ обо всемъ

маіору Кюрингу (*), и получалъ отъ него предписаніе: безъ особаго распоряженія не выступать изъ Коцке. Мятежники стали полными хозяевами края.

Когда извѣстіе о ихъ хозяйничаньи дошли до генерала Ченгери, рѣшено было немедленно двинуть отрядъ противъ Бончи. Назначили три роты Смоленскаго полка, полуэскадронъ новороссійскихъ драгуновъ и 20 казаковъ, которые, подъ командою маіора Бѣнтковскаго, и выступили изъ города 10-го мая.

Три дня не было никакихъ извѣстій; но 14-го числа, съ самаго утра, по городу ходили уже слухи о жаркомъ дѣлѣ, гдѣ-то, верстахъ въ восьмидесяти, между Бѣнтковскимъ и инсургентами. Говорили, будто Бѣнтковскій былъ принужденъ отступить. Подобные слухи надлежало принимать съ большою осторожностью, хотя и пренебрегать ими не слѣдовало, ибо часто свѣдѣнія, получавшіяся такимъ путемъ, подтверждались. При той быстротѣ, съ которою передавались въ край всякаго рода извѣстія, трудно было отличить иногда истину отъ вымысла; но важно было уже самое заявленіе факта.

Такимъ фактомъ было теперь извѣстіе, распространенное подьяками о дѣлѣ Бѣнтковскаго, и собственная эстафета послѣдняго, полученная нами вечеромъ 14-го же мая. Бѣнтковскій доносилъ изъ Владовой слѣдующее: „Вчера, 13-го мая, я неожиданно встрѣтилъ сильную банду Оксинскаго, атаковалъ ее въ Конецъ-Поля, взявъ городъ приступомъ и возвращаюсь въ Кельце“. Извѣстія оказались разнорѣчивыми: на нашей сторонѣ было взятіе города, поляки выставляли на видъ поспѣшное возвращеніе Бѣнтковскаго (**), и обѣ стороны были правы.

Вотъ что намъ лично извѣстно объ этой экспедиціи.

Бѣнтковскій, получивъ извѣстіе, что Бонча прошелъ на западъ къ границѣ Варшавской губерніи, повернулъ за нимъ къ Щекодыну и, вочуя въ Пржеденкахъ, узналъ, что Бонча, съ двумя стами всадниковъ, находится въ Конецъ-Поля. На разсвѣтъ 13-го мая драгуны, высланные впередъ, встрѣтили подъ самымъ Конецъ-Подемъ непріятельскій развѣздъ, на плечахъ его ворвались въ предмѣстье и увидѣли, какъ цѣлая толпа всадниковъ, внезапно выскочивъ изъ воротъ стариннаго замка

(*) Маіоръ Кюрингъ, распокованный съ отрядомъ въ мѣстечкѣ Шидлоцахъ, былъ военнымъ начальникомъ Опочинскаго уѣзда.

(**) Бѣнтковскій, действительно, шлъ съ такою поспѣшностью, что 80-верстный переходъ отъ Конецъ-Поля до Кельца (черезъ Владову, Малагоще и Хидцны) сдѣлалъ съ нѣсколю въ одѣ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Потоцкихъ, въ карьерѣ пронёсаясь черезъ греблю и скрылась въ городъ. Драгуны устремились за ними и почти настигали бѣгущихъ, когда по ту сторону рѣчки (Пилицы) вдругъ закрутился сивій дымокъ, грянулъ ружейный залпъ и на встрѣчу намъ засверкали штыки непріятельской пѣхоты.

Драгуны остановились. Капитанъ Чуги тотчасъ же спѣшилъ весь полускадронъ и, въ ожиданіи Вѣнтковскаго, рѣшился удерживать предмѣстье до послѣдней возможности. Непріятель однако, при первыхъ выстрѣлахъ съ нашей стороны, возвратился въ городъ, и дѣло ограничилось сильною перестрѣлкою.

Около полудня прибыла наконецъ наша пѣхота. Между тѣмъ, были собраны свѣдѣнія, что городъ занятъ отрядомъ Оксинскаго, о личности котораго знали только то, что онъ получилъ военное образованіе въ польской генуэзской школѣ (*) и пользовался извѣстностью хорошаго организатора. Ванда его формировалась въ Пётрковскомъ уѣздѣ; но вслѣдствіе большихъ потерь, понесенныхъ въ дѣлѣ подъ Родошевицами, принуждена была искать убѣжища въ Хржонстовѣ, гдѣ сходятся границы Пётрковскаго, Олькушскаго и Келецкаго уѣздовъ. Пополнивъ убыль, Оксинскій 12-го мая перешелъ отсюда въ Конецъ-Поль и ожидалъ прибытія Ла-Круа (графа Стадницкаго) и Литтиха, спѣшившихъ къ нему изъ Варшавской губерніи съ двумя стами инсургентовъ.

Собственныя силы Оксинскаго простирались до пяти сотъ человѣкъ. Когда подошелъ Вѣнтковскій, мятежники, прикрытые съ фронта широкою рѣчкой, занимали на правомъ берегу Пилицы (**) городъ, кладбище и деревушку Нивы (чугунные заводы), откуда перекрестнымъ огнемъ обстрѣливали доступы къ переправѣ. Воспользовавшись растянутымъ положеніемъ противника, Вѣнтковскій ударилъ съ превосходными силами на центръ ихъ позиціи и, опрокинувъ части, прикрывавшія мостъ, быстро переправился черезъ рѣку и атаковалъ мятежниковъ въ самомъ городѣ. Вѣй длился около двухъ часовъ. Поляки дрались упорно и даже отбросили 2-ю стрѣлковую роту; но,

(*) Школа эта была основана Мѣрославскимъ, который, черезъ Гарибальди, выхлопоталъ для нея помѣщеніе въ Генуѣ. Говорятъ, что въ ней получили военное образованіе не только поляки, но и до 150 гарибальдискіихъ волеетеровъ. Дангевичъ читалъ въ этой школѣ курсъ артилеріи и къ этому-то времени относится ссора его съ Мѣрославскимъ....

(**) Слѣдовательно, въ Варшавской губерніи.

смятые новымъ натискомъ, уступили поле сраженія. Смоленцы опрокинули все, что встрѣтили на своемъ пути и овладѣли городомъ.

Во время самаго боя подошли Ла-Круа и Литтихъ. Конница ихъ удачно атаковала нашихъ казаковъ, догнавшихъ по ту сторону Пилицы какія-то повозки, оттѣснила ихъ за рѣку, но не могла преслѣдовать дальше, потому что была отбита на переправѣ огнемъ прискакавшаго сюда драгунскаго взвода. Пѣхота вошла въ Конецъ-Полю и раздѣлила общую участь съ Оксинскимъ. Рассказываютъ, что въ рукопашной свалкѣ подъ Литтихомъ была убита лошадь и онъ обязанъ спасеніемъ только самоотверженію доктора Орловскаго, который отдалъ ему своего машака, а самъ полатился тяжелою раню (*).

Попытка мятежниковъ переправиться на лѣвый берегъ изъ самаго города съ тѣмъ, чтобы черезъ предмѣстье ударить въ тылъ атакующимъ ротамъ, также не имѣла успѣха. Предпріятіе это было открыто еще въ то время, когда мятежники, спустившись отъ чугуныхъ заводовъ, внизъ по теченію Пилицы, по кладкамъ начали перебираться на нашу сторону. Драгунскій взводъ, содержащій здѣсь развѣзды, тотчасъ же далъ знать объ этомъ Бѣтковскому, а между тѣмъ самъ спустился и такъ удачно залегъ между песчаными буграми, что непріятель, двинувшійся послѣ переправы впередъ, попалъ на засаду и, встрѣченный дружнымъ залпомъ, обратился въ бѣгство. Когда же, опомнившись отъ паническаго страха, мятежники снова пошли впередъ, къ драгунамъ подоспѣла уже на помощь 9-я рота Смоленскаго полка, и инсургенты были отбиты.

Какъ всегда, послѣ окончанія удачнаго дѣла рассказывалось множество анекдотовъ. На этотъ разъ героемъ ихъ былъ нѣкто Коновъ Писаренко, рядовой Новоросійскаго драгунскаго полка. Писаренко, истый хохоль по рожденію и по привычкамъ, обладалъ такимъ туловищемъ, что въ эскадронѣ не было лошади, которая могла бы долго выносить на себѣ подобную тяжесть. Его приставили къ артельной повозкѣ, но уже при началѣ дѣла увидѣли молодца въ драгунской цѣпи, а потомъ, когда отозвали драгуновъ, Писаренко пристроился къ нѣхотѣ

(*) Докторъ Осипъ Орловскій, прибывшій незадолго передъ тѣмъ изъ Бракова, былъ раненъ штуцерною пулею въ правое бедро, съ раздробленіемъ кости. Его взяли въ плѣнъ, перевезли въ Кельце и сдали на руки истинныхъ врачей.

и первый, прошелъ черезъ Конецъ-Польскій мостъ въ главѣ атакующей колонны. Смоленцы прозвали его Сухаревою башней, за которую будто-бы укрывались отъ неприятельскихъ выстрѣловъ. Писаренко очень обижался такимъ презищемъ. Въ Конецъ-Польѣ ему посчастливилось разомъ уложить двухъ инсургентовъ и перехватить двухъ лошадей; но когда троеей стали оспаривать другіе солдаты, упрямый ходокъ однимъ выстрѣломъ покончилъ съ обѣими лошадьми и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ впередъ, сокрушая все, что попададо ему подъ руку.... Писаренко говорилъ, между прочимъ, самъ, что встрѣтилъ въ городѣ стараго кирасирскаго солдата, бывшаго когда-то въ подлву его дядькою. Дядька узналъ своего „племяша“, но племящъ, замѣтивъ на дядькѣ польскую чамарку, мигомъ отправилъ его къ предкамъ и вдобавокъ выругалъ „Мазекою“.

Потеря мятежниковъ была велика. По собственному сознанию, они лишились въ дѣлѣ 80 человекъ убитыми и ранеными, 30 плѣнными и около 50 разбѣжавшимися. Плѣнные однако утверждали, что, несмотря на такую потерю, Оксидскій покинулъ городъ только вслѣдствіе убѣдительной просьбы жителей не подвергать ихъ ужасамъ приступа. Показанія плѣнныхъ подтверждались и донесеніями нашихъ разъѣздовъ, слѣдившихъ за неприятелемъ. Разъѣзды доносили, что мятежники отойдя отъ города не болѣе двухъ верстъ и остановились подъ дѣсомъ, гдѣ къ нимъ присоединился Бонча съ двумястами всадниковъ. Вызывающее положеіе противниковъ, какъ бы приглашавшихъ насъ на чистое поле, заставило Бѣтковскаго подумать о собственныхъ средствахъ: мы уже имѣли 17 человекъ ранеными (изъ нихъ двое умерли) и почти не имѣли патроновъ (*), такъ что, въ случаѣ новаго дѣла, солдатамъ приходилось бы драться одними штыками. Такое обстоятельство побудило Бѣтковскаго возвратиться въ Кельце. Оксидскій, до нашихъ слѣдамъ, занялъ Конецъ-Поль и даже показавъ намъ рѣшеіе преслѣдовать Бѣтковскаго; но, раздумавъ, чѣмъ дискуеть въ случаѣ прихода къ Бѣтковскому подкрѣпленій, быстро повернулъ въ сѣверную часть Олькушскаго уѣзда, держался еще нѣкоторое время въ окрестностяхъ Янова, а потомъ скрылся опять въ Варшавской губерніи.

Бонча остался въ Опочинскомъ уѣздѣ. Не знаю, откуда

(*) Роты, при выступленіи изъ Кельце, не имели патроновъ ищискомъ.

пронесся слухъ, будто въ Кельцахъ ожидали только прибытія новаго командира Новороссійскаго драгунскаго полка (*), чтобы, сосредоточивъ весь этотъ полкъ въ Опочинскомъ уѣздѣ, пустить его за Бончею. Мысль въ сущности была весьма основательною; драгуны, по самой своей организаціи, способны были на то, чтобы, настигнувъ непріятеля, неотступно сидѣть у него на плечахъ, дробиться за нимъ на мелкія партіи и опять быстро сосредоточиваться, когда сосредоточивался непріятель. Самая бойкая и неутомимая пѣхота конечно не могла бы замѣнить собою драгуновъ. Мѣра эта, казавшаяся намъ столь благоразумною, не была однако приведена въ исполненіе: полагали, что продовольствіе полка встрѣтило бы большія затрудненія, такъ какъ за деньги не вездѣ можно было приобрести фуражъ въ значительномъ количествѣ, а къ реквизиціонному способу прибѣгнуть не хотѣли...

Оставимъ на время келецкій гарнизонъ и перенесемся на другіе пункты радомскаго отдѣла.

Еще до появленія Бончи, мы имѣли уже свѣдѣнія о сборѣ огромныхъ скопищъ на сѣверо-востокъ въ Разнишовскихъ лѣсахъ, гдѣ предводительствовалъ Кононовичъ. Говорили, что съ нашей стороны тамъ находилось 18 ротъ и бой продолжался четыре дня сряду. Сущность разказовъ состояла въ томъ, что полковникъ Эрротъ изъ Радома напалъ 2-го мая на шайку Кононовича въ Магнушовѣ и преслѣдовалъ ее къ Вѣлбжегамъ, а 4-го генералъ Раденъ изъ Петрова, полковникъ Бремзенъ изъ Равы и майоръ Лео изъ Ченстохова пригнали туда же другую банду изъ окрестностей Новаго-Мяста (на Пялицѣ). Такимъ образомъ у Вѣлбжеговъ будто бы сосредоточилось до шести тысячъ инсургентовъ. Въ это время, въ Варку явился генералъ Меллеръ-Закомельскій съ гвардейскими войсками и довершилъ пораженіе мятежниковъ.

Дѣйствительно, передъ самымъ возвращеніемъ Вѣнтковскаго изъ Радома, пріѣхалъ курьеръ съ депешами къ генералу Ченгери и черезъ него мы узнали слѣдующія, не лишеныя интереса, подробности этой экспедиціи.

Послѣ пораженія Чаховскаго, въ Радомѣ долгое время не знали, куда дѣвались остатки инсургентовъ. Въ Козеницкихъ

(*) Высочайшимъ приказомъ 18-го марта командиромъ Новороссійскаго полка, вместо полковника Шидловскаго, отчисленнаго по армейской кавалеріи, назначенъ былъ гвардейской конной артиллеріи полковникъ баронъ Таубе.

лѣсахъ время отъ времени мятежники давали знать о своемъ присутствіи неистовствами противъ крестьянъ, перехватываніемъ почтъ и т. п., но точныхъ свѣдѣній о расположеніи шайкъ не имѣлось. Было однако правдоподобно, что притонъ мятежниковъ долженъ находиться именно около Разнишова, въ сѣверо-восточномъ углу Радомской губервіи, при слияніи рѣкъ Пилицы и Вислы; тамошніе густые лѣса, не безъ основанія, считались самими мятежниками выгоднымъ расположеніемъ тѣмъ болѣе, что тутъ сходились границы варшавскаго, радомскаго и люблинскаго военныхъ отдѣловъ, слѣдовательно инсургенты не могли опасаться одновременнаго, концентрическаго противъ себя дѣйствія съ разныхъ сторонъ.

Чтобы осмотрѣть эту мѣстность, 1-го мая изъ Радома командированъ былъ отрядъ, подъ командою полковника Эррота, въ составѣ четырехъ ротъ Могилевскаго полка и полувскадрона Екаторинославскихъ драгуновъ. На дорогѣ присоединилась къ нему рота саперовъ и отрядъ 2-го мая подошелъ къ Разнишевскому лѣсу. Встрѣчавшіеся крестьяне на вопросъ: „есть ли въ лѣсу мятежники?“ отвѣчали уклончиво. Тогда полковникъ Эрротъ, оставивъ драгуновъ и двѣ роты, подъ командою майора Федьяновича, въ с. Цыхры, съ цѣлью отрѣзать инсургентамъ дорогу въ лѣса Козеницкіе и Рычывольскіе, съ остальными войсками пошелъ по дорогѣ изъ Варки къ Разнишову, рассчитывая произвести наступленіе на лѣсъ съ сѣвера.

За д. Вогушковъ онъ повернулъ направо въ густой лиственный лѣсъ и, оставивъ на большой дорогѣ обозъ подъ небольшимъ прикрытіемъ, слѣдовалъ около полуторы версты по едва замѣтной тропицкѣ, которая наконецъ привела его въ только что оставленный инсургентами лагерь. Намѣреваясь отгнать ихъ на Федьяновича, Эрротъ, до разъясненія обстоятельствъ, остановился на мѣстѣ, приказавъ только 6-й могилевской ротѣ идти дальше и гнать непріятеля прямо передъ собою. Могилевская рота дѣйствительно нагнала небольшія части инсургентовъ, но попала въ такую болотистую мѣстность, что люди съ большимъ трудомъ могли пробираться по оди-ночѣмъ.

Узнавъ объ этомъ, и получивъ донесеніе, что въ направленіи, по которому пошла могилевская рота, дальнѣйшихъ слѣ-

доль мятенниковъ не видно, Эрротъ послалъ приказаніе, чтобы ротъ собиралась къ резерву.

Покуда исполнялось это приказаніе и могилевцы, далеко разстанувшіеся по лѣсу, отходили назадъ, инсургенты неопредѣленно показались съ правой стороны самого Эррота. Противъ нихъ былъ тотчасъ же посланъ саперный полувзводъ; но саперы, встрѣченные залпомъ, оторопѣли, чѣмъ инсургенты однако не воспользовались, потому что сами помышляли только о спасеніи. Эрротъ остановилъ безпорядокъ тѣмъ, что крикнулъ первой, попавшейся ему подъ руку, кучкѣ: „ложись!“ Солдаты мгновенно исполнили приказаніе, и безъ труда остановили мятенниковъ.

Судя по направленію, принятому инсургентами—на сколько можно было судить о томъ въ густомъ лѣсу—Эрротъ опасался, чтобы они не бросились на дорогу изъ Варки въ Разнишовъ, гдѣ былъ оставленъ обозъ подъ прикрытіемъ одного полувзвода; потому, выйдя на большую дорогу, и ничего не открывъ къ сторонѣ Варки, онъ перешелъ въ м. Разнишово, чтобы отсюда вступить въ сообщеніе съ отрядомъ Федьяновича, на котораго повидимому должна была бы направиться банда.

Дѣйствительно, при движеніи Эррота съ сѣвера на лагерь мятенниковъ, они кинулись въ противоположную сторону, т. е. на деревню Цыкры, гдѣ встрѣтилъ ихъ Федьяновичъ и, опрокинувъ съ урономъ въ лѣсъ, по сѣвдамъ ихъ занялъ опушку. Отсюда явственно былъ слышенъ бой, происходившій въ Разнишовскомъ лѣсу, и Федьяновичъ простымъ движеніемъ на выстрѣлы выходилъ въ тылъ инсургентовъ; но онъ не рѣшился на это изъ опасенія, чтобы наши пули не поражали своихъ. Мятенники пробрались лѣсомъ между нашими отрядами, хотя и не безъ значительнаго урона.

Въ Разнишовѣ найденъ былъ довольно хорошо устроенный магазинъ, изъ котораго довольствовалась банда Кононовича. Когда запасы муки, солонины, водки и портера частью были взяты войсками, а частью уничтожены, Эрротъ приготовился выступить далѣе къ Осимброву съ тѣмъ, чтобы съ восточной стороны войти опять въ Разнишовскій лѣсъ и очистить самую неудобоприступную часть его, если бы тамъ еще скрывались остатки какой-нибудь банды. Но видно уже такой задался дельце, чтобы всѣ наши предположенія разстраивались самымъ

неожиданнымъ образомъ. Еще не всѣ войска вытнудись изъ мѣстечка, какъ съ сѣверной стороны Разнишова, оттуда, гдѣ находился костецъ, опять показались мятежники. Эрротъ немедленно повернулъ назадъ 10-ю могилевскую роту, которая быстрымъ движеніемъ по главной улицѣ отрѣзала часть инсургентовъ, засѣвшихъ въ крайнихъ домахъ мѣстечка, и всѣхъ переколола. Остальные бѣжали.

Куда направилось главное скопище судить было трудно. При отрядѣ вовсе не было кавалеріи, чтобы послать за нимъ сильныя развѣды, а между тѣмъ отдѣльныя кучки показывались то со стороны Пилицы, то по опушкѣ Осимбровскаго лѣса. Послѣ недолгаго колебанія Эрротъ рѣшился продолжать движеніе въ Осимбровъ, куда, передъ самымъ вечеромъ, прибылъ также и отрядъ Федяновича.

Разсказываютъ, что когда войска уничтожали разнишовскіе запасы, одна полька, пробравшаяся сквозь нашу цѣпь, передала Кононовичу, что будто съ отрядомъ, захватившимъ водку и портеръ, справиться нетрудно. Кононовичъ не повѣрилъ этому извѣстію, и если отдалъ приказаніе идти въ Разнишовъ, то только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своихъ приближенныхъ, которые, конечно, не затруднились бы, въ противномъ случаѣ, провозгласить его измѣнникомъ.

На слѣдующій день отрядъ произвелъ рекогносцировку лѣса со стороны Осимброва. Войска бодро преодолѣли болотистую мѣстность, но, подходя къ лагерю, наканунѣ сожженному Эрротомъ, замѣтили въ немъ движеніе и открыли огонь, къ счастью скоро остановленный: въ лагерѣ были не инсургенты, а крестьяне, высланные для собранія разбросанныхъ по лѣсу труповъ.

О направленіи мятежниковъ ничего не было извѣстно до самой ночи 5-го числа, когда Эрротъ, пройдя въ разныхъ направленіяхъ лѣсистую мѣстность между Варкою, Стромцемъ и Пилицею, наконецъ прибылъ въ деревню Ляховець, гдѣ узналъ положительно, что главная банда, въ числѣ 800 человекъ, переправилась за Пилицу и скрылась частью въ варшавскомъ (Кононовичъ), частью въ люблинскомъ (Янковскій) военныхъ отдѣлахъ. Цѣль экспедиціи была достигнута, хотя и стоила намъ, сравнительно съ прежними дѣлами, довольно чувствительной потери (14 убитыхъ и 19 раненыхъ). 5-го

числа Эрротъ возвратился въ Бѣлобжеги и здѣсь узналъ о появленіи въ окрестностяхъ новой банды Древновскаго.

Въ самомъ началѣ апрѣля мѣсяца, на р. Пилицѣ, составляющей границу между Радомской и Варшавской губерніями, въ обширныхъ лѣсахъ, покрывающихъ ея берега, собиралась банда Древновскаго. Сформированіе ея стоило центральному комитету болѣе шести сотъ тысячъ золотыхъ; но за то вся банда носила однообразные, національные костюмы и была вооружена заграничными винтовками. Главнымъ притономъ ея считалось на Пилицѣ мѣстечко Новое-Място, откуда, по сформированіи банды, Древновскій, именовавшійся начальникомъ войскъ равскаго отдѣла, получилъ приказаніе перейти въ сандомірское воеводство и дѣйствовать въ связи съ Кононовичемъ и Янковскимъ, занимавшими тогда Разнишовскій лѣсъ.

Покуда Древновскій дѣлалъ приготовленія къ походу, предпріятіе его получило такую гласность, что съ нашей стороны одновременно двинуты были къ Пилицѣ нѣсколько отрядовъ, которые, наступая концентрически, должны были окружить и разсѣять банду, прежде чѣмъ она соединится съ Кононовичемъ. Войска, расположенныя въ Равѣ (Варшавской губерніи), подъ командою подполковника Бремзена (4 роты и сотня казаковъ), 4-го мая перешли Пилицу почти по слѣдамъ Древновскаго и въ тотъ же день при Уловѣ имѣли незначительную стычку съ его арьергардомъ. По окончаніи дѣла, въ Уловъ прибыла изъ Ченстохова колонна маіора Лео, состоявшая изъ трехъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ, а въ мѣстечкѣ Яблонна показался сильный петрковскій отрядъ, въ составѣ пяти ротъ, двухъ орудій и 120 казаковъ, подъ личною командою генераль-маіора барона Радена.

Съ разсвѣтомъ 5-го мая всѣ три колонны выступили для преслѣдованія шайки, уходящей по направленію къ Бѣлобжегамъ. Арьергардъ ея скоро былъ достигнутъ около деревни Ставишенъ, но какъ только артилерія открыла огонь, мятежники убрали цѣпь и, перейдя за строеніями болотистую рѣчку, испортили мостъ и задержали движеніе отрядовъ. Между тѣмъ пушечные выстрѣлы были услышаны въ Бѣлобжегахъ и полковникъ Эрротъ немедленно двинулся по ихъ направленію. Полуэскадронъ драгуновъ, подъ командою поручика Мѣдянова, слѣдовавшій въ авангардѣ, скоро далъ знать, что непріятеля преслѣдуетъ сильный петрковскій отрядъ, а потому Эрротъ,

признавая подрѣзленіе втора отряда пѣхотою безподознаннымъ, приказавъ одной кавалеріи идти на рыскахъ прямо на выстрѣды, самъ же свернулъ на селеніе Маховку, рассчитывая въ окрестныхъ лѣсахъ захватить отдрѣвившихся отъ банды людей.

Извѣстіе о движеніи Эррота со стороны Бѣлобжеговъ, во время полученное мятежниками, заставило ихъ грубо повернуть къ югу на деревню Камень и даже пожертвовать своимъ артиллеріею, который, остановившись въ Стромцѣ, долженъ былъ биться до послѣдняго человѣка, чтобы дать время Древновскому выиграть передъ нами значительное пространство. Когда кавалерія Радена, вмѣстѣ съ присоединившимся къ ней полускадромъ драгуновъ, прискакала въ Стромецъ и нашла его занятымъ неприятелемъ, то поручикъ Мѣдяновъ тотчасъ же приказалъ казакамъ обскакать мятежниковъ справа и стать на пути ихъ отступленія, а самъ, сбѣжавъ драгуновъ, повелъ ихъ на приступъ лѣсистаго кургана, прикрывавшаго со стороны большой дороги доступъ въ самое мѣстечко. При полномъ отсутствіи свѣдѣній, въ какихъ именно силахъ находятся здѣсь инсургенты, предпріятіе хотя и казалося рискованнымъ, однако поручикъ Мѣдяновъ рассчитывалъ на нравственное вліяніе своей атаки—и не ошибся. Мятежники, всего человѣкъ шестьдесятъ, одѣтые фурагами, встрѣтили его огнемъ изъ своихъ винтовокъ; но, сражаясь довольно плохо, частью были взяты въ плѣнъ, частью же погибли, не причинивъ драгунамъ никакого вреда. Черезъ полчаса, въ Стромецъ, уже очищенный отъ неприятеля, прибыла пѣхота Радена и расположилась на ночлегъ.

Преслѣдуемые отъ самаго Удова тремя колоннами и встрѣченные на пути Эрротомъ, мятежники были извѣщены еще, что сильная колонна, направленная противъ нихъ изъ Варшавы, подъ командою генералъ-маіора барона Медлера-Закомельскаго, уже прибыла въ Бѣлобжегъ. Предполагая, что, по случаю поздняго времени, гвардейскія войска будутъ ночевать въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, они воспользовались остановкою барона Радена и, замаскировавъ передъ нимъ свое движеніе, переправились у деревни Диханецъ на лѣвый берегъ Пилицы, такъ что, когда на слѣдующій день наши войска двинулись за ними по направленію къ Варшвѣ, уже нигдѣ не встрѣтили неприятеля и только слышали отдаленныя пушечныя выстрѣлы по ту сторону Пилицы. Тамъ сражался варшавскій отрядъ Медлера-Закомельскаго. Рассчитавъ, что силы Радена и подполковника

Бремзена достаточно для нанесенія рѣшительнаго удара шайкѣ, Меллеръ не остановился, какъ полагали мятежники въ Вѣлобжегахъ, а въ ту же ночь перешелъ обратно на лѣвый берегъ Пилицы и двинулся къ Варшѣ съ цѣлью предупредить инсургентовъ на этомъ пунктѣ, въ случаѣ переправы ихъ въ Варшавскую губернію. Послѣдствіемъ такого движенія было то, что шайка, не успѣвшая скрыться, была настигнута около деревни Новая-Весь и разбита на голову. Плѣнные, взятые въ этомъ дѣлѣ, показали, что ими командовалъ Грабовскій; Дрезновскій же еще изъ Улова бѣжалъ за границу, захвативъ съ собою около 120,000 злотыхъ, вырученныхъ имъ отъ продажи соли въ мѣстечкѣ Новомъ-Мястѣ (*). По официальнымъ источникамъ, общая потеря мятежниковъ убитыми, ранеными и плѣнными простиралась свыше четырехъ-сотъ человекъ (416). Съ нашей стороны, въ отрядѣ Меллера-Закомельскаго ранены три улана, а въ отрядахъ Радена, Лео и Бремзена трое убито и трое нижнихъ чиновъ ранено.

Спустя нѣсколько дней послѣ этихъ извѣстій, въ Кельце прибыла рота Смоленскаго полка изъ Слупя-Новы и привела съ собою 12 человекъ плѣнныхъ, взятыхъ подполковникомъ Суховинымъ при обходѣ имъ Витославскаго лѣса. Суховинъ доносилъ, что шайка, человекъ въ триста, встрѣченная имъ 5-го мая, была расположена на неприступной скалистой горѣ и показала намѣреніе драться, но при первыхъ выстрѣлахъ обратилась въ бѣгство и была преслѣдована имъ безостановочно двѣнадцать часовъ сряду. Результатомъ преслѣдованія была деморализація, обнаружившаяся между инсургентами въ такой степени, что они, не причинивъ намъ никакого вреда, сами потеряли около 70 человекъ убитыми и 12 плѣнными.

Въ числѣ плѣнныхъ, доставленныхъ, какъ мы сказали, въ Кельце, находились два мальчика, едва достигшіе четырнадцатилѣтняго возраста. Оба они были дѣти „пожонныхъ келецкихъ обывателей“, и оба считались студентами одной келецкой, а другой радомской гимназій. Въ банду они попали случайно; увлеченные дурнымъ примѣромъ товарищей и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончились ихъ приключенія, если бы судьба не распорядилась въ витославскомъ дѣлѣ положить конецъ дальнѣйшимъ ихъ походамъ. Судя по ихъ рассказамъ, въ бандѣ нахо-

(*) Сумма эта была внесена въ казну тѣмъ, кто, какъ оказалось по слѣдствію, покупалъ соль у мятежниковъ.

дилось много подобной молодежи, которую мятежники принимали охотно и заставляли во время дѣла производить самый частый огонь холостыми патронами, „żeby robić więcej hałasu w lesie“ (чтобы дѣлать больше шума въ лѣсу). Такая трескотня могла производить въ некоторое впечатлѣніе на войска необстрѣленные, которыя по количеству выстрѣловъ вздумали бы судить о силѣ непріятеля; но смоленцы были народъ испытанный, и одного намѣренія ихъ двинуться впередъ было достаточно, чтобы обратить мятежниковъ въ совершенное бѣгство.

Когда началось преслѣдованіе, одинъ солдатъ, по имени Сазоновъ, настигнулъ молодаго повстанца, не успѣвавшаго бѣжать такъ прытко, какъ бѣжали его товарищи.

Уже штывъ блеснулъ передъ глазами несчастнаго, когда Сазоновъ, замѣтивъ, что противникъ его слабый, извѣщенный мальчикъ, опустилъ ружье и разразился самою крупною бранью.

— Panie Moskalu, Panie Moskalu! Daruj mie życie: nigdy a nigdy już nie pojde do lasu! (Подари мнѣ жизнь: я никогда болѣе не пойду „до лѣсу“) взмолился мальчикъ.

Но Сазоновъ и не думалъ его убивать: „пристращавъ мятежника“, онъ взялъ его, напротивъ, подъ свое особенное покровительство и тутъ же замѣтилъ въ лѣсу другаго мальчика, который, растерявшись подъ свистомъ пуль, бѣгалъ съ растрепанными волосами и, ломая руки, кричалъ: *Jesus Maria! Jesus Maria!* Онъ робко приблизился на голосъ Сазонова и на колѣняхъ просилъ его о пощадѣ.

— Гдѣ у тебя ружье и шапка?

— Nie wiem! (не знаю!)

Сазоновъ снялъ шапку съ одного убитаго повстанца и отдалъ ее мальчику, замѣтивъ, что покойнику шапка не нужна, покойникъ долженъ стать передъ Богомъ съ открытою головою.

Ваяты въ плѣнъ дѣти горько плакали и жаловались на голодь и боль въ ногахъ, которыя, при жалкомъ состояніи ихъ обуви, были стерты до крови. „Вотъ уже четыре дня — говорили они — какъ мы не имѣемъ обуви и ничего не ѣли, кромѣ сыраго картофеля, не смѣли даже разложить огня въ ночной хододъ, опасаясь, чтобы не пришли москаля“.

— Вотъ то-то и есть! сидѣли бы вы дома, слушались бы наму, книжки бы читали: лучше что-ли умирать-то по волчьей! — маставительно внушала Сазоновъ мальчуганамъ. Раздумывая,

между тѣмъ, чѣмъ бы пособить ихъ горю, онъ раздѣлилъ между ними свои походные сухари, обулъ, одѣлъ ихъ и, по возвращеніи въ Слупа-Нову, выхлопоталъ позволеніе оставить на своей квартирѣ.

Въ Кельцахъ молодые плѣнники были посажены въ общую тюрьму съ прочими повстанцами; но, спустя недѣлю, получили свободу, на основаніи распоряженія Великаго Князя-Намѣстника, чтобы молодые люди, взятые въ плѣнъ, но не достигшіе еще 17-лѣтняго возраста, были возвращаемы родителямъ безъ всякаго наказанія.

Случай этотъ со всѣми подробностями, заимствованными изъ разказа одного повстанца, взятаго то же подъ Слупа-Новой, помѣщенъ былъ въ газетѣ „Dziennik Powszechny“, и газета заканчивала по этому поводу свою статью слѣдующими замѣчательными словами: „А между тѣмъ, это былъ простой и грубый солдатъ! Не для похвалы и не для газетъ оказалъ онъ столько доброты и нѣжности сердца. Какъ былъ, такъ и до сихъ поръ остался Сазоновъ, незнаемый даже своею ротою. По всей вѣроятности, не только никогда не встрѣтится онъ съ спасенными имъ молодыми людьми, но и не получитъ о нихъ никакой вѣсточки. Въ первый и въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ ними, но тѣмъ болѣе сами молодые люди должны отыскать благороднаго солдата и поблагодарить его хотя сердечнымъ объятіемъ. И дай Богъ, чтобы эти молодые люди не принадлежали къ числу тѣхъ „polglówków“, которые кричатъ „ranie Moskale“ въ тотъ часъ, когда москаль имъ нуженъ и когда онъ можетъ спасти ихъ, а потомъ не хотятъ даже отвѣтить на его поклонъ“....

Извѣстіе о витославскомъ дѣлѣ совпало у насъ съ другимъ болѣе серьезнымъ извѣстіемъ о появленіи Чаховскаго въ восточной части Опатовскаго уѣзда. Пронесся слухъ, что онъ стоитъ въ Ожаровѣ и что противу него двинулись уже отряды со стороны Завихвостья, Опатова и Радома.

Ночью, 16-го числа, въ генералу Ченгери явился драгунъ Елатеринославскаго полка и, между прочимъ, разказалъ слѣдующее: два за два передъ тѣмъ, эскадронъ, расположенный въ Шидловцахъ, экстренно потребовать былъ въ отрядъ полковника Булатовича, и, выступая, оставилъ въ Шидловцахъ заводныхъ лошадей, подъ прикрытіемъ пѣхоты. Пѣхота также ушла, и три-четыре драгуна, приосматривавшіе за лошадьми,

остались въ мѣстечкѣ одни-одинешеньки. Нашлись въ Шидловцахъ люди, которые увѣдомили мятежниковъ объ очищеніи русскимъ отрядомъ города. Въ тотъ же вечеръ, въ мѣстечко явилась конная непріятельская партія, но, къ счастью, какъ разъ наткнулась на одного драгуна и, воображивъ, что жители обманули, что въ мѣстечкѣ находятся солдаты—обратилась въ бѣгство. Между тѣмъ, драгуны, вовсе не ожидая такого оборота дѣла, при первомъ крикѣ товарища: мятежники! бросились изъ города и укрѣпились въ близъ-лежащемъ лѣсѣ, откуда разскащику удалось благополучно пробраться, или, какъ онъ выражался, „отступать“ въ Кельце. О судьбѣ своихъ товарищей онъ ничего не зналъ; но вѣдается, что, по первому слуху о происшествіи, изъ Радома была командирована рота, которая нашла въ мѣстечкѣ все обстоящимъ благополучно. Не на этомъ-ли фактѣ, конечно перевернутомъ на изнанку, основывали впоследствии поляки свой разсказъ, помѣщенный въ „Часѣ“, будто бы въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ стоялъ русскій отрядъ, какой-то забавникъ надѣлъ уланскую шапку, потерянную повстанцами, и въ ней появился на площади. При видѣ шапки, прибавляетъ полякъ-авторъ, солдаты разбѣжались. Если такъ, то это выходитъ по пословицѣ: „съ больной головы да на здоровую!“

Изъ свѣдѣній, получавшихся отсюду, можно было заключить, что преслѣдованіе Чаховскаго на этотъ разъ производится очень дѣятельно. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Вотъ что, въ скоромъ времени, мы узнали о военныхъ дѣйствіяхъ въ сѣверной половѣ губерніи.

Когда Сухонинъ отправилъ роту въ Кельце, къ нему изъ Опатова пришло извѣстіе, что подполковникъ Голубовъ, вслѣдствіе донесеній о сборѣ трехтысячной партіи между Ожаровымъ, Островцомъ и Цѣбловымъ, выступилъ въ Завихостье на соединеніе съ сандомирскимъ отрядомъ Чеславскаго, и что ближайшая помощь Опатову, въ которомъ, для поддержанія порядка между жителями, осталась одна 8-я рота Могилевскаго полка, возлагается на него съ тѣмъ, чтобы онъ находился тамъ въ постоянной готовности поддержать, въ случаѣ надобности, Голубова и Чеславскаго.

Поддержка эта оказалась ненужною. Извѣстіе о смѣлѣхъ непріятеля, какъ и въ большой части случаевъ, были преувеличены; Чаховскій уже не могъ собрать подобную массу съ

тѣхъ поръ, какъ, разбитый Насѣвнымъ подѣ Жечневомъ и Грабовцами, принужденъ былъ скрываться въ Липовникъ лѣсахъ, гдѣ небольшая шайка его была усилена только частію инсургентовъ, бѣжавшихъ отъ Кононовича, послѣ отступленія послѣдняго за Плилицу. Съ этими-то силами, едва простиравшимися до 600 человекъ, Чаховскій двинулся быдо на Тарловъ и Ожаровъ, намѣреваясь пробраться въ Илженскій лѣсъ; но извѣстіе о сборѣ нашихъ отрядовъ заставило его повернуть назадъ и уйти на сѣверъ, въ лѣса между Зволеню и деревнею Черной. Голубовъ, не останавливаясь, шелъ по слѣдамъ его отъ самаго Ожарова, а между тѣмъ, для совокупныхъ дѣйствій съ опатовскимъ отрядомъ, изъ Радома командирована была, въ направленіи къ Зволеню, особая колонна, въ составѣ двухъ ротъ и эскадрона драгуновъ, подѣ командою майора Федьяновича. По прибытіи въ Зволенъ, Федьяновичъ узналъ, что шайка, въ ночь съ 9-го на 10-е мая, быстро повернула на юго-западъ и, миновавъ Шидловець, пошла на Пшееху. Вслѣдствіе этого, изъ Радома тотчасъ же посланъ былъ по этому направленію новый отрядъ, подѣ командою полковника Булатовича (*); но Чаховскій уже покинулъ Пшееху и, выйдя на одинокую дорогу, круто повернулъ опять къ Зволенскому лѣсу, гдѣ менѣе всего могли ожидать его появленія. Хотя онъ шелъ быстро, однако Булатовичъ, имѣя хорошихъ проводниковъ, служившихъ въ бандѣ, гнался за нимъ по цѣпамъ, такъ что когда, 14-го мая вечеромъ, мятежники остановились въ лѣсу, у деревни Буковно, сварить себѣ пищу, передъ ними явился взводъ саперовъ, слѣдовавшій въ авангардѣ Булатовича. Саперы, думая воспользоваться внезапностію своего появленія, тотчасъ же атаковали опушку, но безъ успѣха, такъ что Чаховскій перешелъ даже въ наступленіе. Прислававшій эскадронъ выручилъ саперовъ, которые потомъ три раза возобновляли атаку, и три раза были выручаемы дружнымъ содѣйствіемъ драгуновъ. Только съ прибытіемъ Булатовича Чаховскій сталъ послѣшно отступать, преслѣдуемый имъ до бѣлобжегскаго шоссе, откуда банда кинулась въ Рааницовскіе лѣса, а Булатовичъ возвратился въ Радомъ. Потеря непріятеля, судя по числу раненыхъ, забранныхъ нами по деревнямъ, была значительна; въ авангардѣ же Булатовича убито 6 и ранено 10 нижнихъ чиновъ.

(*) Булатовичъ выступилъ изъ Радома съ двумя саперными ротами; но на походѣ, въ Шидловецѣхъ, присоединилъ къ себѣ еще роту Момиланскаго полка и 4-й эскадронъ Екатеринославскихъ драгуновъ.

Въ то время, когда Чаховскій удалился въ Разнишовскій лѣсъ, шайка Кононовича, выйдя изъ Варшавской губерніи, черезъ Варку и Вязузу прибыла въ деревню Чарну. Такимъ образомъ, обѣ значительнѣйшія банды соединились въ сѣверной части Радомскаго отдѣла, въ лѣсахъ между Пилицею, Вислою, Радомомъ и Козеницами (*).

Первыя свѣдѣнія о Кононовичѣ доставлены были въ Радомъ изъ отряда маіора Федьяновича, стоявшаго въ Зволень. Въ ночь съ 14-го на 15-е число полуресадронъ драгуновъ, подъ командою прапорщика Шмидта, производившій разъѣзды, замѣтилъ, по направленію къ деревнѣ Чарна, конный пикетъ, сблизъ его и преслѣдовалъ до самаго лѣса, откуда неожиданно былъ встрѣченъ ружейнымъ залпомъ. Сколько можно было судить по линіи огня, мятежники находились въ значительныхъ силахъ; но Шмидтъ, пользуясь темнотою ночи, спѣшилъ своихъ драгуновъ и завязалъ такую перестрѣлку, что повстанцы, опасаясь съ нашей стороны рѣшительнаго нападенія, тотчасъ стали отступать и скрылись прежде чѣмъ подоспѣлъ Федьяновичъ. Весь нашъ отрядъ передвинулся въ Едльну и выслалъ оттуда сильныя разъѣзды для открытія дальнѣйшаго направленія партіи. Кононовичъ, долго служившій въ нашихъ кавказскихъ войскахъ, впоследствии отдавалъ полную справедливость предприимчивости Шмидта и сознавался, что провелъ нѣсколько дурныхъ часовъ при поспѣшномъ отступленіи по лѣсу. „Если бы мнѣ было извѣстно“ — говорилъ онъ — „что передо мною Шмидтъ съ 30 драгунами, я распорядился бы съ ними иначе; но эта горсть дѣйствовала съ такою энергіей, что я, мой штабъ и мои повстанцы подозревали здѣсь присутствіе пѣхоты“....

Когда извѣстіе о появленіи Кононовича въ Радомскомъ

(*) Дѣйствія Кононовича въ Варшавскомъ Отдѣлѣ заключались, сколько намъ извѣстно, въ слѣдующемъ: получивъ извѣстіе, что изъ Варшавы выступила небольшая колонна, долженствовавшая принять отъ Меллера-Закомельскаго пѣхотныхъ, взятыхъ имъ послѣ разбитія шайки Грабовскаго, Кононовичъ устроилъ засаду въ лѣсу около д. Лубно (между Пясечною и Гурой). 7-го мая, ожидаемая имъ колонна уже была въ Пясечно, и командовавшій ею полковникъ Несвѣтовичъ выслалъ полуресадронъ гвардейскихъ улановъ для открытія сообщенія съ отрядомъ Меллера-Закомельскаго. Уланы какъ разъ попали въ засаду, но пробившись частью въ Пясечно, частью къ Гурѣ-Кальваріи, гдѣ стоялъ Меллеръ. Между тѣмъ на выстрѣлы подоспѣла литовская рота и Кононовичъ, послѣ жаркаго дѣла, отступилъ по направленію къ Хынору. Уланы, кромѣ 4 человекъ пѣхотными, потеряли 10 нижнихъ чиновъ и 16 лошадей; въ ротѣ-же л.-гв. Литовскаго полка нижнихъ чиновъ убито 4, ранено 11, контужено 2.

отдѣлъ дошло до Варшавы, высланъ былъ оттуда сильный отрядъ, который, на разсвѣтъ 20-го мая, переправился черезъ Пилицу тремя колоннами: одна, полковника Дохтурова (пять ротъ, эскадронъ гродненскихъ гусаровъ, сотня казаковъ и два конныя орудія), въ Варкахъ, другая, генераль-маіора барона Меллера-Закомельскаго (въ такомъ же составѣ), въ Мнишовѣ, и третья, полковника Капустина, въ Бѣлобжегахъ. Послѣдняя колонна конвоировала изъ Варшавы транспортъ и получила приказаніе, по сдачѣ его, двинуться изъ Бѣлобжеговъ къ Нижней Пилицѣ и дѣйствовать такъ, чтобы переградить мятежникамъ доступъ въ лѣса Опочинскаго уѣзда.

Въ то же время, для совокупныхъ дѣйствій съ вышеозначенными отрядами, изъ Радома была выслана подвижная колонна, въ составѣ трехъ ротъ и эскадрона драгуновъ, подъ командою полковника Эррота, а маіору Федьяновичу, усиленному еще двумя могилевскими ротами, приказано было передвинуться изъ Едльны въ Козеницы, чтобы прикрыть дорогу въ лѣса Зволенскіе.

Эрротъ выступилъ изъ Радома на разсвѣтъ 21-го мая, прямо съ полковаго праздника екатеринославскихъ драгуновъ, и по прибытіи въ Едлинскъ узналъ, что наканунѣ сотня казаковъ подполковника Кульгачева (изъ колонны Дохтурова) имѣла жаркую стычку у деревни Гржибовска-Воля: казаки два раза атаковали непріятельскую позицію, усиленную завалами, и понесли нѣкоторый уронъ (*); но Кононовичъ, заключая по сильному натиску ихъ, что пѣхота близко, раздѣлился на мелкія партіи, такъ что, когда подошли наконецъ гусары, преслѣдовать его уже было бесполезно. На разсвѣтъ 21-го мая, всѣ три колонны варшавскаго отряда сосредоточились въ Стромецкомъ лѣсу, гдѣ будто бы въ посадѣ Гружбойвой лѣсъ собрались банды Кононовича и Чаховскаго; но слухи оказались ложными: Кононовичъ, видя себя окруженнымъ, распустилъ повстанцевъ, приказавъ имъ 27-го мая собраться въ Козенецкомъ лѣсу.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, Эрротъ остановился въ Едлинскѣ и ограничился высылкою сильныхъ развѣдныхъ партій. Одна изъ такихъ партій, подъ командою прапорщика Еватеримославскаго драгунскаго полка Зегергранца, подходя къ деревнѣ За-

(*) Казаковъ убито 2, ранено 4, въ томъ числѣ войсковой старшина Красновъ, и контужено 2.

мады, увидѣла подводу, выѣзжавшую изъ фольварка на большую дорогу. На нее, можетъ быть, не обратили бы особеннаго вниманія, если бы сзади не была привязана осѣдланная верховая лошадь. Это показалось подозрительнымъ. Нѣсколько драгуновъ бросились въ погоню, но повозка свернула въ сторону и, несмотря на всѣ крики остановиться, продолжала скататься въ лѣсу. Тогда юнкеръ выстрѣломъ изъ ружья положилъ возницу на мѣстѣ и телѣга стала. Въ числѣ пяти, взятыхъ при этомъ инсургентовъ, оказались самъ Кононовичъ и главные его сообщники Лобенскій и Садовскій; убитый же на мѣстѣ былъ нѣкто Коморницкій, считавшійся адъютантомъ Кононовича.

Зегеркранцъ тотчасъ же произвелъ обыскъ въ помѣщичьемъ фольваркѣ и узналъ, что Кононовичъ, по роспускѣ банды, рассчитывалъ здѣсь переждать движенія войска; но, при извѣстїи о приближенїи разѣзда, долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ своимъ штабомъ. Въ числѣ оружія, оставленнаго имъ на фольваркѣ, взята была драгоценная сабля самаго Кононовича, цѣнимая поляками, сколько помнится, въ 35,000 злотыхъ. Говорили, что сабля эта прислана была ему изъ Парижа княземъ Чарторыйскимъ и, какъ древность, принадлежавшая когда-то королю Сигизмунду, дѣйствительно заслуживала вниманіе. Она была отправлена въ Варшаву для поднесенія Великому Князю-Намѣстнику отъ войскъ радомскаго отдѣла.

Разсказываютъ, что плѣнный Кононовичъ долго скрывалъ свое настоящее имя, называясь то востонеромъ, то стшельцемъ изъ шайки Янковскаго; но увидѣвъ, что захваченный вмѣстѣ съ нимъ молодой повстанецъ, отдѣлившись отъ другихъ, уже дѣлаетъ откровенное признаніе полковнику Эрнроту, сознался, что онъ Кононовичъ, что банда его распущена, однако отказался указать мѣсто, гдѣ было зарыто оружіе. Оружіе было найдено нами ноздѣе, когда принялись за лѣсничаго. Лѣсничій, самъ ничего не знавшій, указалъ на двороваго человѣка, которому была довѣрена шайка, начется, самимъ Кононовичемъ. Двороваго взяли и, пригрозивъ ему смертью безъ всякой процедуры, заставили служить провожатымъ. Мѣсто, гдѣ было зарыто оружіе, находилось въ такой чащѣ лѣса, что безъ посторонняго указанія дорогу туда отыскать было бы трудно: повстанцы вынули сначала цѣлыя деревья съ корнями, потомъ вырыли глубокую яму, засыпали ее землею и сверху засадили тѣми же самыми деревьями.

Лично Кононовичъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ важныхъ указаній; въ бумажникѣ его было найдено 1,400 рублей; онъ объявилъ, что часть денегъ была его собственностію и просилъ позволенія отправить ихъ къ женѣ. Ему возвратили 300 рублей, а остальные 1,100, какъ принадлежавшіе народному жонду, роздали солдатамъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, всѣ наши отряды сосредоточились въ Гловачевѣ. Здѣсь полковникъ Эрнротъ передалъ Кононовича Меллеру-Закомельскому, отрядъ котораго захватилъ еще до 30 инсургентовъ изъ его шайки, и въ томъ числѣ одного ксендза. Это былъ извѣстный Агриппинъ Конарскій, сосланный изъ Варшавы еще въ 1856 году на Лысую Гору, откуда онъ черезъ три года бѣжалъ за границу и проживалъ въ Краковѣ, а затѣмъ послѣдовательно переходилъ къ Лангевичу, Чаховскому и Кононовичу. Настигнутый солдатами, ксендзъ спрятался въ полѣ, но гусары его отыскиали. Очная ставка Конарскаго съ Кононовичемъ повела къ забавнымъ сценамъ; Кононовичъ говорилъ, что выгналъ ксендза за развратное поведеніе; монахъ же, съ иезуитскимъ смиреніемъ, утверждалъ напротивъ, что всѣ неприятности навлекъ на себя проповѣдями о сохраненіи въ лѣсу чистоты нравовъ и неоднократными протестами противъ присутствія въ военномъ станѣ молодыхъ полекъ.

Чтобы скорѣе покончить съ преступниками, Меллеръ-Закомельскій, въ силу даннаго ему полномочія, нарядилъ надъ ними полковой военно-уголовный судъ, по приговору котораго Кононовичъ и два главнѣйшіе сообщники его, Садовскій и Лобенскій, были разстрѣляны въ Варкѣ. Конарскаго перевезли въ Варшаву и тамъ 31-го мая повѣсили на гласисѣ цитадели. Казнь Кононовича, въ присутствіи всего населенія Варки, произвела на жителей сильное впечатлѣніе. За три дня они встрѣчали его, гордо въѣзжавшаго къ нимъ во главѣ восьмисотенной партіи, а теперь видѣли трупъ, сброшенный въ яму, надъ трупъ государственнаго преступника. Говорили, не знаю до какой степени слухъ заслуживаетъ довѣрія, будто повстанцы надъ могилою Кононовича дали клятву отомстить за смерть его смертію десяти русскихъ офицеровъ.

Но ежели смерть Кононовича имѣла такое значеніе, то казнь Конарскаго, вызвавшая протестъ со стороны варшавскаго архіепископа Феллнскаго, произвела демонстрацію, выразившуюся

въ краѣ наложеніемъ церковнаго траура по всей епархіи. Объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ перерванному разсказу о ходѣ экспедиціи.

Отъ Конововича Эрпротъ узналъ, между прочимъ, что Чаховскій, разсорившись съ нимъ, отдѣлился съ своею бандою и ушелъ 30-го мая, сколько можно было догадываться, въ направленіи къ Липску. 23-го числа Эрпротъ соединился съ отрядомъ Федьяновича (эскадронъ и двѣ роты), и произвелъ поискъ къ Вершковиско, въ имѣніе зятя Чаховскаго. Поискъ произведенъ былъ въ глухую полночь, съ одними драгунами, но не имѣлъ успѣха, потому что Чаховскій, дѣйствительно гостившій передъ тѣмъ у своей дочери, выѣхалъ за два дня, вслѣдствіе какихъ-то важныхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ банды. 24-го числа наши войска прибыли въ Грабовецъ, но, узнавъ отъ разъѣздовъ сандомирскаго отряда Непенина, что подполковникъ Сухонинъ уже два дня какъ преслѣдуетъ Чаховскаго, быстро повернули назадъ и 25-го мая, въ четыре часа пополудни, были уже въ Черно, гдѣ нашли Сухонина отдохавшимъ на бивуакѣ. Часъ спустя, въ ту же деревню прибылъ еще свѣжій эскадронъ екатеринославцевъ, высланный изъ Радома.

Такъ какъ рѣшено было продолжать настойчивое преслѣдованіе цѣлымъ отрядомъ, то Сухонинъ, пѣхота котораго успѣла отдохнуть, въ тотъ же день вечеромъ выступилъ дальше на Едльно, а въ полночь прибылъ туда же и Эрпротъ съ тремя эскадронами драгуновъ (могилевскія роты были уже изъ Черно отправлены въ Радомъ, потому что Эрпротъ не видѣлъ необходимости въ такомъ количествѣ пѣхоты). Днемъ еще Чаховскій былъ въ Едльнѣ и повѣсилъ крестьянина; оставалось узнать, взялъ ли онъ отсюда направленіе на Бжузу, или на Бѣлобжеги. Высланный авангардъ скоро далъ знать, что открылъ неприятеля и идетъ за нимъ къ Бѣлобжегамъ. Вслѣдъ за авангардомъ пошелъ Эрпротъ со всею кавалеріею, приказавъ слѣдовать за собою и Сухонину; но Сухонинъ, лично переговорившій съ Эрпротомъ въ Едльнѣ, когда еще о направленіи Чаховскаго не было положительныхъ свѣдѣній, полагалъ, что отрядъ непременно направится на Бжузу и свернулъ туда, вмѣсто того чтобы идти за драгунами.

Ошибочное направленіе Сухонина, когда кавалерія стала уже на слѣду неприятеля, сдѣлало то, что Чаховскій достигнуть

въ этотъ день не былъ. Преслѣдованіе пріостановилось само собою. Сперва отправленъ былъ цѣлый эскадронъ маіора Протопопова на Бжузу, чтобы открыть сообщеніе съ пѣхотою, а вслѣдъ затѣмъ пришло приказаніе возвратить часть кавалеріи въ Радомъ, гдѣ некому было даже содержать аванпостовъ. Такимъ образомъ, изъ числа двухъ оставшихся эскадроновъ полковникъ Эрротъ могъ употребить въ дѣло только одинъ, силы котораго очевидно были уже недостаточны для того, чтобы съ успѣхомъ преслѣдовать мятежниковъ въ лѣсистой и пересѣченной мѣстности.

Все это имѣло рѣшительное вліяніе на ходъ экспедиціи и кончилось тѣмъ, что Эрротъ, возложивъ дальнѣйшее преслѣдованіе на подполковника Сухонина, отрядъ котораго былъ усиленъ третьимъ эскадромъ екатеринославскихъ драгуновъ (маіора Протопопова), самъ съ дивизиономъ возвратился въ Радомъ, гдѣ его ожидало новое служебное назначеніе (*).

Поиски Сухонина оставались безуспѣшными до 28-го мая, когда драгуны, выйдя на опочинское шоссе, внезапно открыли банду Чаховскаго, двигавшуюся отъ деревни Патворова къ сѣверу по направленію къ Новому-Мясту. Извѣстивъ объ этомъ Сухонина, Протопоповъ рѣшился обескакать непріятеля и, перегравивъ ему дорогу, не пропустить къ Новому-Мясту, гдѣ, какъ было слышно, Чаховскій рассчитывалъ получить подкрѣпленіе изъ Варшавской губерніи. На пути лежала деревня, занятая уже частію банды, но драгуны въ карьеръ пронесли мимо ея подъ выстрѣлами непріятельской цѣпи и, вскочивъ въ опушку лѣса, свѣшили прежде, чѣмъ подоспѣли къ нему мятежники.

Этотъ лѣсъ, простирающійся до самыхъ береговъ Пялицы и пересѣченный во многихъ мѣстахъ болотистыми лугами, представлялъ всѣ средства къ упорной оборонѣ шагъ за шагомъ. Чаховскій это зналъ и, опасаясь ввязаться въ дѣло, когда въ тылу съ минуты на минуту могла появиться наша пѣхота, круто перемѣнилъ направленіе и сталъ уходить на юго-западъ. Эскадронъ настигъ его вторично въ Гельнеовскомъ лѣсу, который мятежники проходили построеными уже въ нѣсколько боевыхъ колоннъ, съ кавалеріею по флангамъ. Отъ проницательности нашихъ развѣздовъ не укрылось, что большая часть кон-

(*) Полковникъ Эрротъ назначенъ былъ командиромъ Витебскаго полка, штабъ котораго былъ расположенъ въ г. Ченстоховѣ Варшавской губерніи.

ница построена была въ одну шеренгу съ цѣлю казаться многочисленнѣе, слѣдовательно не могла быть слишкомъ опасною для насъ даже въ томъ случаѣ, ежели бы, помимо ея, пришлось ударить прямо на неприятельскую пѣхоту. Однако попытка атаковать мятежниковъ въ то время, когда они дебушировали изъ лѣсу къ деревнѣ Русинову, не увѣчалось успѣхомъ; Протопоповъ вынужденъ былъ снова развернуть эскадронъ на дорогѣ, чтобы переградить неприятелю выходъ изъ деревни.

Были уже позднія сумерки. Неприятель остановился въ Русиновѣ и открылъ оттуда по эскадрону сильную ружейную пальбу, на которую драгуны, слѣшившись, отвѣчали не менѣе сильною перестрѣлкою. Такъ продолжалось дѣло до прибытія Сухонина; когда же показалась наша пѣхота и Чаховскій увидѣлъ, что атака ведется съ двухъ сторонъ, то бросился назадъ въ лѣса между Опочномъ и Пшесухой, а эскадронъ по слѣдамъ его ворвался въ деревню.

Въ этомъ замѣчательномъ, по своей настойчивости, преслѣдованіи драгуны потеряли одного человѣка убитымъ и трехъ ранеными; неприятель же похоронилъ по дорогѣ въ двухъ деревняхъ тринадцать тѣлъ и, кромѣ того, оставилъ въ нашихъ рукахъ трехъ плѣнныхъ и нѣсколькихъ лошадей.

Иавѣстіе объ этомъ дѣлѣ получено было въ Кельцахъ утромъ 29-го мая, а спустя два или три часа пришла эстафета отъ подполковника Сухонина, который увѣдомлялъ, что, послѣ ночлега въ Русиновѣ, онъ произвелъ поискъ къ Неклани и къ Русскому Броду, но, не полавъ на слѣды мятежниковъ, отправилъ эскадронъ въ Радомъ и возвращается въ Кельце. Генералъ Ченгери съ своей стороны имѣлъ черезъ лазутчиковъ нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ движеніяхъ Чаховскаго и приготовилъ свѣжіе отряды, которые должны были двинуться за нимъ тотчасъ по возвращеніи Сухонина.

Наступилъ вечеръ; на городской площади играла военная музыка; группы гуляющихъ чинно расхаживали по панелямъ, выслушивая давно знакомые всѣмъ мотивы итальянскихъ маэстро, какъ вдругъ раздался конскій топотъ и передъ изумленной публикой пронесся офицеръ, сопровождаемый казачьимъ конвоємъ. Онъ остановился возлѣ дома генерала Ченгери. По взмыленнымъ лошадямъ, едва переводившимъ духъ отъ уста-

лости, не трудно было догадаться, что это курьеръ, прїѣхавшій изъ отряда съ какими-нибудь важными извѣстіями.

Тутъ-то намъ припомнились слухи, которые давно ходили по городу. Еще въ обѣденную пору какой-то проѣзжій рассказывалъ, что слышалъ сильную ружейную пальбу въ той сторонѣ, откуда мы ждали Сухонина; но это извѣстіе прошло, какъ говорится, мимо ушей: отрядъ Сухонина считали на столько самостоятельнымъ, что беспокоиться о судьбѣ его не было причины. Вышло не такъ. Казаки сообщили, что верстахъ въ 15-ти отъ города, по старо-варшавской дорогѣ, идетъ жаркое дѣло и что подполковникъ Сухонинъ, внезапно атакованный, просить подкрѣпленія. Извѣстіе это, мгновенно облетѣвшее площадь, встревожило всѣхъ не на шутку; гулянье разстроилось, всѣ поспѣшили домой и уличное веселье уступило мѣсто тишинѣ и осторожности.

Генералъ Ченгери тотчасъ же сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: двѣ колонны должны были идти къ Самсонову: одна, въ составѣ полторы роты пѣхоты, 4-го эскадрона новороссійскихъ драгуновъ и 25 казаковъ, подъ командою майора Чванова (*), по пѣтрковскому шоссе прямо на встрѣчу Сухонина другая, изъ трехъ ротъ и полусотни казаковъ, подъ командою подполковника Насѣвина, по радомской дорогѣ съ тѣмъ, чтобы запереть Чаховскому выходъ изъ Самсоновскаго лѣса, въ случаѣ если бы Сухонинъ отбросилъ мятежниковъ къ сторонѣ Суходнева.

Начальство надъ обоими отрядами возложено было на командира Новороссійскаго драгунскаго полка полковника барона Таубе, который лично долженъ былъ находиться при колоннѣ майора Чванова (**).

Насѣкину идти было дальше, и потому онъ выступилъ первымъ, а затѣмъ, по пробитіи зори, стала собираться и колонна Чванова. Драгуны пришли на сборное мѣсто раньше

(*) Чвановъ находился въ это время въ отставкѣ. Онъ былъ уволенъ изъ Смоленскаго пѣхотнаго полка за нѣсколько времени передъ означенною экспедиціею.

(**) Баронъ Таубе прибылъ въ Кельце вечеромъ 25-го мая съ радомскою окажіею, а 26-го приступилъ къ приему полка отъ полковника Шидловскаго. Принимался, конечно, только тотъ дивизионъ, который находился въ Кельцахъ. По свидѣтельству барона Таубе, эскадроны, не смотря на то, что выдержали четырехмѣсячную кампанію и въ послѣднее время находились въ непрерывныхъ движеніяхъ, найдены имъ въ такомъ порядкѣ, что приемъ и сдача пѣхъ были окончены въ одинъ день. 29-го мая баронъ Таубе подписалъ квитанцію о приемѣ, а черезъ нѣсколько часовъ выступилъ въ экспедицію.

чѣмъ пѣхота и въ ожиданіи ея, остановившіеся за городомъ, возлѣ каменной, полуразрушенной часовни, еще сохранившей мѣстами свою готическую архитектуру, слѣзли съ лошадей. Скоро пріѣхалъ баронъ Таубе; часовъ въ десять къ намъ подтанулась пѣхота, и отрядъ выступилъ. Ночь была темная и холодная. За невахлевскою корчмою, верстахъ въ 10 или въ 12 отъ города, шоссе перерѣзывается высокою и крутою возвышенностью, называемою „Мѣдзяная-Гура“, за которою вправо и влѣво тянется довольно значительный лѣсъ, изрѣзанный глухими, неудобопроходимыми оврагами. До сихъ поръ мы не имѣли положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ; но, подходя къ этому лѣсу, неожиданно встрѣтили часть пѣхоты изъ отряда Сухонина, возвращавшуюся изъ боя усталою и разстроеною. Командовавшей ею офицеръ доложилъ барону Таубе, что бой происходилъ у деревни Новые-Заклады (бараки), но что онъ, будучи отрѣзанъ при самомъ началѣ дѣла съ горстью столпившихся около него солдатъ, не знаетъ, чѣмъ оно окончилось и полагаетъ, что Сухонинъ понесъ большія потери. На всѣ распросы офицеръ твердилъ одно, что дѣло было жарче чѣмъ подъ Севастополемъ. Что дѣло было жаркое, этому можно было повѣрить потому, что отступавшая часть была составлена изъ людей всѣхъ ротъ. Баронъ Таубе отправилъ ее въ Кельце.

При вступленіи въ лѣсъ, занятый непріателемъ, какъ общила встрѣтившаяся съ нами пѣхота, приняты были предосторожности, чтобы не наткнуться на засаду. Казаки то и дѣло возвращались изъ авангарда съ различными извѣстіями, которымъ однако надо было вѣрить только въ половину. Каждый ночной шорохъ, шумъ листьевъ, полетъ испуганной птицы, привлекалъ ихъ вниманіе и пробуждалъ обычную подозрительность. Вскорѣ послышался вдали шумъ, неясные звуки, глухо расплывавшіеся въ воздухъ. Казаки говорили, что идетъ обозъ. Можно было предположить, что возвращается Сухонинъ; но также легко можно было натолкнуться и на мятежниковъ. Къ счастью, взошедшая луна освѣтила передъ нами поляну, на которой мы увидѣли медленно подвигавшіяся на встрѣчу намъ три или четыре крестьянскія подводы. Оказалось, что транспортъ слѣдуетъ въ Кельце: крестьяне, движимые усердіемъ, отправились изъ ближней деревни на мѣсто, гдѣ происходилъ бой, собрали тѣла нашихъ убитыхъ и, не смотря на явную опасность, если бы объ этомъ провѣдали мятежники,

рѣшились перевезти ихъ въ Кельце. Зная настроеніе крестьянъ за послѣднее время, мы были поражены этимъ случаемъ, и могли объяснить его только тѣмъ, что дѣла Чаховскаго плохи. Молча раступились солдаты, чтобы дать мѣсто печальному кортежу; никто не проронилъ слова; но каждый перекрестился и отъ глубины души сотворилъ про себя теплую, короткую молитву.

Встрѣча съ покойниками принята была солдатами за счастливое предзнаменованіе. Къ тому же скоро стало свѣтать и мы, выйдя на открытую мѣстность, издали еще увидѣли отрядъ Сухонина, бивуакирующій за деревнею Новыя-Заклады, посреди какихъ-то громаднѣхъ развалинъ. Сухонинъ, покрытый пылью, въ изорванномъ скруткѣ, безъ галстука, самъ поспѣшилъ на встрѣчу нашему отряду и проводилъ его къ своему бивуаку. Онъ едва говорилъ отъ изнеможенія, и на первый разъ сообщилъ только, что дѣло было удачное и что развалины были взяты имъ приступомъ. Весь отрядъ находился еще подъ впечатлѣніемъ своего геройскаго подвига; люди, возбужденные нравственно, не ложились спать и вокругъ бивуачныхъ костровъ кипѣла живая солдатская бесѣда....

Вотъ что намъ рассказывали о подробностяхъ этого замѣчательнаго дѣла.

Когда Сухонинъ дѣлалъ привалъ во Мневѣ, нѣсколько офицеровъ, выѣхавшихъ за мѣстечко, увидѣли небольшую конную партію, которая перерѣзала шоссе съ юга на сѣверъ. Офицеры поспѣшно вернулись во Мневъ и доложили объ этомъ подполковнику Сухонину, который тотчасъ же двинулся со всѣмъ отрядомъ, но никакихъ признаковъ близкаго присутствія непріятеля открыто не было. Между тѣмъ отрядъ втянулся въ узкое дефиле и едва поравнялся съ деревнею Новыя-Заклады, какъ встрѣченъ былъ съ фланга сильнымъ ружейнымъ залпомъ....

Деревня, состоящая изъ нѣсколькихъ каменныхъ домиковъ, расположена на выступѣ крутой, почти отвѣсной горы, обнесенной у самой подошвы каменною стѣною, обхватывающею гору съ двухъ сторонъ. На плато этой горы есть нѣсколько каменныхъ строеній, соединенныхъ между собою арками и снабженныхъ полукруглыми, створчатыми окнами, представлявшими готовыя бойницы. Здѣсь, какъ говорятъ, хотѣли построить въ большихъ размѣрахъ желѣзо-ковальный заводъ;

каменная стѣна имѣла назначеніе удерживать въ берегахъ рѣчку, чтобы она не подмывала основаніе горы. Работы, начатыя частною компаніею въ царствованіе императора Александра Павловича, были перерваны войною 1831 года, а впоследствии, по недостатку денегъ, пріостановились. Но и то, что было начато, стоило уже нѣсколькихъ миліоновъ. Теперь въ деревнѣ помѣщается часть управленія восточнаго горнаго округа, а заводскія зданія заброшены и годъ отъ году приходятъ въ большую ветхость.

У подошвы исполинской стѣны (*), внизу самаго ущелья, протекаетъ неглубокая рѣчка Бобрекъ и идетъ келецко-петровское шоссе, которое, огибая гору, поворачиваетъ на сѣверъ и затѣмъ круто подымается въ самую деревню. Такая позиція была занята соединенными шайбами Чаховскаго, Морковскаго и Рогуйскаго, въ общемъ итогѣ до 800 инсургентовъ (**).

Когда непріятель встрѣтилъ нашу колонну ружейнымъ залпомъ, раздумывать было нечего. Смоленцы повернули налѣво и съ крикомъ „ура!“ дербѣжавъ въ бродъ неглубокую рѣчку, устремились на приступъ черезъ проломы, образовавшіеся временемъ въ каменной оградѣ. Разказываютъ, что первымъ бросился прапорщикъ Сиротенко, скрутукъ и шинель котораго были прострѣлены шестью пулями. Отчаянный натискъ сломилъ непріятеля; но роты перемѣшались до такой степени, что дѣйствовали одною общею массою, и непонятно, какимъ образомъ около ста человекъ, съ двумя или тремя офицерами, были не только отрѣзаны, но и отброшены къ Кельце. Мятежники, выбитые штыками, бѣжали и были преслѣдованы почти до самаго Цминска, на разстояніи пяти или шести верстъ. Мы потеряли при этомъ 11 человекъ убитыми, 10 ранеными, хотя въ первую минуту можно было полагать потерю гораздо значительнѣе, такъ какъ въ ротахъ не досчитывались болѣе ста человекъ. Только съ нашимъ приходомъ объяснилась загадка, и Сухонинъ могъ горевать лишь о томъ, что отступившіе люди увели съ собою и его верховую лошадь.

Въ три часа утра баронъ Таубе, направивъ Сухонина въ

(*) Высота вѣнцъ стѣны отъ 15 до 20 сажелей.

(**) Полагаютъ, что шайки Морковскаго и Рогуйскаго, о которыхъ у насъ до сихъ поръ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, прибыли изъ Варшавской губерніи, переправившись черезъ Пилицу 28-го мая, около Новаго Мѣста.

Кельце, самъ диннулся по слѣдамъ мятежниковъ черезъ Цминскъ къ Самсонову, гдѣ рассчитывалъ соединиться съ Насѣкиннмъ. Насѣкинъ дѣйствительно былъ въ Самсоновѣ, и мы съ удивленіемъ узнали, что ночью отрядъ его едва не столкнулся съ Чаховскимъ, который прошелъ здѣсь только получасомъ ранѣе его прибытія. Къ сожалѣнію, Насѣкинъ не послѣдовалъ за Чаховскимъ, а остановился въ Самсоновѣ, гдѣ два часа ожидалъ прибытія барона Таубе, по предварительному отданному приказанію.

Поправить дѣло оказалось возможнымъ; слѣды непріятеля были еще свѣжи и обозначались по дорогѣ то пачками ружейныхъ патроновъ, то разными сумочками и торбами, растерянными, какъ видно, при поспѣшномъ отступленіи. Оставалось начать быстрое и безостановочное преслѣдованіе. Черезъ полчаса вся кавалерія была уже въ Загданскѣ, гдѣ казаки перехватили фельдшера. На вопросъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ? — фельдшеръ отвѣчалъ, что находится при раненыхъ.

— При какихъ раненыхъ?

— А при тѣхъ, что оставилъ Чаховскій.

По его указанію мы вошли въ довольно свѣтлую избу и увидѣли четырнадцать мятежниковъ, лежавшихъ на соломѣ, залитой кровью; многіе находились въ горячемъ бреду. Это были всѣ тяжело-раненые, надъ головами которыхъ уже носилась смерть.

Одинъ изъ повстанцевъ умеръ за часъ до нашего прихода; мы видѣли его трупъ въ сараѣ: онъ лежалъ прикрытый полотномъ и одѣтый въ полную уланскую форму.

Распросивъ тѣхъ изъ раненыхъ, которые казались пободрѣе, мы узнали, что Чаховскій пошелъ къ Суходневу, откуда намѣренъ былъ свернуть къ Бодзентыну. Не теряя времени, баронъ Таубе послалъ приказаніе подполковнику Насѣкину идти съ пѣхотою свободнымъ шагомъ, а самъ, съ эскадрономъ драгуновъ и казаками, на рысяхъ пошелъ на с. Іоздь, Ленчну и Вадуль.

Во Вадуль получено было новое извѣстіе, что Чаховскій вмѣсто Бодзентына повернулъ на Секерно, стало быть къ Вонхоцку. Когда мы прибыли въ эту деревню, насъ окружила сдержанная и молчаливая толпа народа; но изъ среды ея вдругъ выдвинулся человекъ и, подойдя къ барону Таубе, объявилъ, что онъ отставной конно-артилерійскій солдатъ, вѣрный своей

присягѣ, и потому готовъ сообщить намъ все, что знаетъ о мятежникахъ.

Мы были поражены такою смѣлою рѣчью, опасаясь не безъ основанія, что въ той же толпѣ найдутся люди, которые выдадутъ его мятежникамъ. Солдатъ былъ нѣсколько навеселѣн и потому ни на что не обращалъ вниманія. Онъ разсказалъ, что въ Секернѣ Чаховскій съ своею шайкою дѣлалъ привалъ и что инсургенты присутствовали въ костелѣ во время богослуженія—такъ какъ это случилось въ воскресенье—послѣ чего ксендза окропилъ ряды ихъ святою водою. Казаки, посланные привести ксендза, не нашли его дома; тогда принялись за войта-гминнаго, отъ котораго узнали, что мятежники намѣревались здѣсь варить пищу, но извѣстіе, что нашъ отрядъ быстро подвигается отъ Самсонова, заставило ихъ поспѣшно выступить далѣе. Тотъ же конно-артилерійскій солдатъ вызвался быть нашимъ провожатымъ. Мы предложили ему, побряндней мѣрѣ, надѣть на себя драгунскую шинель и фуражку, но онъ отказался на отрѣзъ.

— Да вѣдь тебя повѣсятъ!

— Ничего они не сдѣлаютъ со старымъ солдатомъ, отвѣчалъ онъ, садясь на драгунскую лошадь и выѣхавъ за околицу.

— Вонъ, видите ли тотъ лѣсъ—сказалъ старикъ, показывая рукою направо—сдается, что бунтовщики будутъ тамъ варить себѣ кашу. Я оставусь съ вами, мнѣ хочется посмотреть, какъ будутъ бѣжать эти „гицли“.

Лѣсъ, на который показалъ старикъ, видѣлся не далѣе, какъ въ полуверстѣ. Полковникъ Таубе послалъ офицера къ пѣхотѣ съ приказаніемъ спѣшить на помощь къ драгунамъ, а самъ пошелъ на рысяхъ. Мы сѣвшились у самой опушки и двинулись въ гуцу лѣса; но, не встрѣтивъ непріятеля въ этомъ направленіи и опасаясь за своихъ коноводовъ, оставленныхъ на дорогѣ безъ прикрытія, скоро вернулись и выслали казаковъ по тропинкѣ, которая пролегла черезъ тотъ же лѣсъ, и, казалось, должна была вести прямо къ Вонхоцку. Въ это время прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что подполковникъ Насѣкинъ находится еще верстахъ въ двѣнадцати и ранѣе двухъ часовъ подоспѣть не можетъ. Что оставалось дѣлать въ такомъ положеніи? Мы сознавали, что броситься съ однимъ эскадрономъ въ лѣсъ, занятый сильнымъ непріателемъ, было

дѣломъ почти отчаяннымъ; дожидаться пѣхоты было невозможно, потому что Чаховскій не стаѣ бы ожидать сосредоточенія нашего отряда, а бросился бы къ Вонхоцку, откуда дорога въ Илженскій лѣсъ была для него открыта.

Такия соображенія занимали насъ въ то время, когда мы, спѣшившись, стояли подъ самою опушкою. Казаки, посланные для отырытiя непрiятеля, еще не возвращались. Каждая минута была дорога. Если бы мы упустили Чаховскаго, въ нашу пользу, конечно, не возвысился бы ни одинъ голосъ. Мы это знали и рѣшились идти на проломъ.

Баронъ Таубе, подозвавъ капитана Кременецкаго, поручилъ ему взять изъ эскадрона десять охотниковъ и открыть сообщенiе съ казаками. Не прошло и десяти минутъ послѣ отъѣзда Кременецкаго, какъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ, потомъ другой.... третiй. Вдругъ грянулъ залпъ и лѣсъ застоналъ отъ перестрѣлки.

Скомандовано: садись! и мы маршь-маршемъ понеслись туда, откуда слышались выстрѣлы. Ни дремучiй лѣсъ, ни узкiя тропинки, обрытыя по сторонамъ канавами, ни разрушенный мостъ надъ глубокимъ и тинистымъ оврагомъ, наскоро поправленный нашими охотниками, не останавливали эскадрона.... Вотъ уже сквозь чащу деревьевъ мелькаютъ папахи нашихъ казаковъ.... пули начинаютъ летать чаще и чаще.... „Къ пѣшему строю готовься!“ раздается команда—и мы, проскакавъ карьеромъ еще нѣсколько сажень, спѣшили почти на плечахъ непрiятеля.

Лѣсъ стоналъ отъ выстрѣловъ; пули безтолково стучали о деревья, однако ни у насъ, ни у непрiятеля, кажется, раненыхъ не было: густота лѣса и самая горячность людей мѣшали вѣрному прицѣливанiю. Чѣмъ окончилась бы такая перестрѣлка, сказать трудно; но вотъ откуда-то прискакалъ казакъ и доложилъ барону Таубе, что въ концѣ лѣса мятежники сосредоточили всѣ свои силы и что отъ нихъ значительныя партiи потянулись и вправо и влѣво: значить, обходятъ! Отступать въ такомъ положенiи было еще хуже, чѣмъ идти впередъ. Рѣшили ударить прямо на центръ и пробиться къ Вонхоцку. Капитанъ Чутя, командиръ эскадрона, крикнулъ: въ штыки! и бросился съ своими драгунами въ самую чащу лѣса. Къ общему удивленiю, мы встрѣтили самое слабое сопротивленiе, и только мѣстами завязались незначительныя рукопашныя схватки. Про-

бѣжавъ нѣсколько шаговъ, мы замѣтили, что лѣсъ начинается рѣдѣть и скоро очутились на опушкѣ. Вдали виднѣлся Вонхоцкъ, а все поле, на протяженіи двухъ или трехъ верстѣ, покрыто было бѣгущими мятежниками. Сперва мы остановились въ изумленіи; но одинъ полувскадронъ, вскочивъ на коней, понесся вслѣдъ за уходившею кавалеріею, а другой, спѣшенный, ударилъ на село Распай, гдѣ часть мятежниковъ заняла помѣщичій фольваркъ. Объятые паническимъ ужасомъ, мятежники бѣжали повсюду и были преслѣдованы до воротъ Вонхоцка, гдѣ драгуны остановились, не рискуя ворваться въ тѣсныя улицы.

Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ потеря наша ограничивалась одною раненою лошадыю. Потеря мятежниковъ была велика; но мы еще не знали всей важности своей побѣды, пока со всѣхъ сторонъ не стали приводить къ намъ плѣнныхъ. Они показали, что самъ Чаховскій раненъ въ то время, когда старался устроить на полянѣ свою кавалерію. Штуцерная пуля раздробила ему правую руку. Даже „Чась“ сознался, что банда была разбита на голову однимъ эскадронемъ драгуновъ.

Пѣхота присоединилась къ намъ только въ пять часовъ по полудни. Послѣ шестидесяти-верстнаго перехода въ знойный день она до того была измучена, что весь отрядъ принужденъ былъ ночевать въ Ратаѣ.

Насѣкинъ также привелъ съ собою нѣсколько плѣнныхъ и въ томъ числѣ женщину, которая рассказывала, что она, проживая у какого-то ксендза экономкою, вмѣстѣ съ нимъ была арестована и приговорена Чаховскимъ къ висѣлицѣ. Ксендза и женщину везли подъ карауломъ, но при началѣ общей суматохи конвой бѣжалъ, ксендзъ пропалъ безъ вѣсти, а его экономка была задержана нашею пѣхотою. По просьбѣ ея были посылаемы казаки отыскивать ксендза между убитыми, однако его не нашли. Впослѣдствіи оказалось, что святой отецъ счастливо пробрался въ Кельце и тамъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться со своею экономкою, которую считалъ погибшею. Она, по всей вѣроятности, и погибла бы, если бы счастливый случай не натолкнулъ ее на нашу пѣхоту.

Въ числѣ плѣнныхъ обратили на себя также особенное вниманіе двое: одинъ мѣщанинъ съ звѣрообразною наружностію, въ карманѣ котораго было найдено знамя, сорванное, по-видимому, съ древка, другой мальчикъ лѣтъ десяти или двѣнад-

цати. Мальчикъ, обливаясь слезами, разсказалъ намъ цѣлую исторію о томъ, какъ повстанцы хотѣли повѣсить его больного отца и какъ онъ долженъ былъ идти за него искупительною жертвою. Въ дѣлѣ подѣ Новыми-Закладами мальчикъ находился возлѣ Чаховскаго и когда, утрашенный нашимъ приступомъ, вздумалъ бѣжать, то получилъ отъ Чаховскаго полную вѣсную пощечину. Впослѣдствіи мы убѣдились, что разсказъ мальчика былъ ложью. Отецъ его служилъ чиновникомъ при суходневскихъ горныхъ заводахъ, а мальчикъ, дѣйствительно сынъ его, самъ бѣжалъ въ банду изъ какого-то уѣзднаго училища.

На другой день мы двинулись тремя отрядами: двѣ роты съ плѣнными и обозами, подѣ командою маіора Чванова, направлены были на село Паршово для обезпеченія переправы чрезъ рѣку Камѣнную; остальная пѣхота, съ подполковникомъ Насѣкинымъ, прошла прямо на Вонхоцъ, куда, спустя два или три часа, прибылъ и баронъ Таубе съ драгунами, осмотрѣвъ часть Илженскаго лѣса между Ратаемъ, Липкою и Вонхоцкомъ.

Бургомистръ Вонхоцка, встрѣтившій насъ у заставы, подтвердилъ, что Чаховскій дѣйствительно раненъ и что его наканунѣ провезли черезъ городъ на обывательской подводѣ. Но самымъ точнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что банда разошлась по домамъ, а Чаховскій пробрался за границу, въ сопровожденіи небольшого кавалерійскаго конвоя. Экспедиція наша была окончена, и мы въ тотъ же день возвратились въ Кельце.

Встрѣча нашему отряду была самая торжественная; насъ ожидали за заставою два хора музыки, пѣхотной и кавалерійской; дамы выѣхали къ намъ на встрѣчу въ экипажахъ; офицеры, солдаты, даже городскіе жители наводнили улицы, ближайшія къ площади. Всѣ были изумлены такою быстрою катастрофою съ Чаховскимъ и всѣ хотѣли видѣть ближе его побѣдителей....

На слѣдующій день, въ Кельцахъ были совершены похороны убитыхъ въ ново-закладскомъ дѣлѣ. Ихъ было одиннадцать человѣкъ. Подѣ звуки погребальной музыки, среди глубокаго молчанія присутствующихъ, въ ясный лѣтній день двинулась похоронная процесія по улицамъ города. Мы проводили ее до самаго кладбища и тамъ отдали послѣднія зем-

ныя почести погибшимъ товарищамъ. Гробы опустили въ землю при трогательныхъ звукахъ молитвы: „Коль славень нашъ Господь въ Сионъ“, духовенство пропѣло надъ ними вѣчную память, грянулъ ружейный залпъ — и все кончилось....

Къ сожалѣнію, процесія не обошлась безъ непріятнаго случая. Когда гробы проносили мимо католической семинаріи, одинъ изъ клириковъ смотрѣлъ въ окно и подсмѣивался надъ нашими обрядами. Казаки это замѣтили и въ одну минуту, добывъ его — какъ выражались они — сверху, поставили предъ генераломъ Ченгери. Чтобы наказать клирика, сочли за лучшее заставить его пронести на своихъ плечахъ гробъ одного изъ покойниковъ. Келецкое католическое духовенство вообще держало себя сомнительно. Помню, когда хоронили Раппа и солдатъ измѣннически убитыхъ въ Бодзентынѣ, генераль Ченгери энергически отнесся къ польскому духовенству и пригласилъ его почтить своимъ присутствіемъ похороны невинныхъ жертвъ, чтобы показать народу истинное значеніе этого печальнаго происшествія. Бискупъ далъ свое согласіе, но въ назначенный часъ изъ духовенства никто не явился и только тогда, когда процесія проходила мимо костела, вышелъ какой-то клирикъ съ объясненіемъ, что каноническія правила воспрепятствуютъ на похоронахъ инверца присутствовать католическому духовенству *въ облаченіи* — какъ будто мы просили ихъ быть въ облаченіи!...

Послѣ ратайскаго дѣла, кромѣ партіи Бончи, въ Радомскомъ военномъ отдѣлѣ не оставалось ни одной значительной шайки. Губернія второй разъ была очищена отъ инсургентовъ, и генераль-лейтенантъ Ушаковъ, донося объ этомъ главнокомандующему войсками въ царствѣ Польскомъ, заключилъ свой рапортъ слѣдующими словами:

„Долгомъ считаю засвидѣтельствовать Вашему Императорскому Высочеству неутомимую ревность и храбрость войскъ, проходящихъ по страшной жарѣ, по пескамъ, болѣе 60 верстъ въ день и весело вступающихъ въ бой. Особенно же этими качествами отличаются драгуны, бросающіеся въ бой безразлично на коняхъ и пѣшкомъ, всегда съ молодецкою отвагою.“

Поттс.

(Продолженіе будетъ.)